

СМЫСЛОВАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА БЕЛОРУСИЗМОВ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ТЕКСТЕ

Н. Н. Журавлева, О. В. Потапова,
Белорусский государственный университет

Для современной социолингвистической ситуации в Беларуси характерно несбалансированное белорусско-русское двуязычие. Языки имеют равный юридический статус, но разный коммуникативный вес. При том, что большинство жителей РБ считает себя белорусами и более половины в качестве родного языка указывают белорусский, лишь небольшая часть населения использует белорусский для повседневного общения.

Таблица 1 – Распределение белорусов и русских, проживающих в РБ, по владению языками (2009 год) [5]

Всего		Назвали в качестве			
		родного языка		языка, на котором разговаривают дома	
		бел. яз.	рус. яз.	бел. яз.	рус. яз.
белорусы	7 957 252 (83,7%)*	4 841 319 (60,8%)**	2 943 817 (37,0%)**	2 073 853 (26,0%)	5 551 527 (69,8%)**

русские	785 084 (8,3%)*	21 956 (2,8%)**	756 111 (96,3%)**	16 653 (2,1%)**	757 531 (96,5%)**
*доля от общей численности населения РБ (9 503 807);					
**доля от численности населения соответствующей национальности					

После распада СССР русский язык в качестве полинационального языка подвергается изменениям: в каждом из постсоветских государств формируется свой особый вариант этого языка [3, с. 178 – 195]. В русский язык, который используется в Беларуси, неизменно проникают черты белорусского языка, что позволяет говорить о формировании белорусского этнолекта русского языка (этнолект – вариант языка, используемый этнической группой, представители которой считают себя иным народом, отличным от народа, по имени которого этот язык называется; в лингвистической литературе также используется термин “нациолект” [1, 2, 4]).

Довольно распространено мнение, что взаимодействие двух языков идет в одном направлении: русский язык постепенно вытесняет из употребления белорусский. Однако действительно ли русский язык настолько доминирует? И на самом ли деле белорусский язык выступает лишь в качестве вытесняемого? В поиске ответов на эти вопросы, мы обратились к анализу русскоязычной публицистики. В данной статье представлены результаты анализа «БелГазеты» за 2010 год. Целью было выявить случаи «вкрапления» белорусизмов в русскоязычных текстах и описать их функциональную нагрузку. Выбор именно газетных текстов обусловлен тем, что 1) публицистика по сравнению с другими сферами отличается большей раскованностью, свободой в использовании языка, 2) процессе подготовки тексты проходят многоэтапный контроль со стороны корректора, редактора и т. д.; 3) письменный текст позволяет графически выделить «чужеродные» элементы. Однако, при всех достоинствах эти (как и любые другие письменные) тексты имеют существенный недостаток: они не фиксируют в полном объеме фонетические особенности речи, что вынуждает читателя интерпретировать текст по собственному усмотрению, например: *Статистики у меня нет, но если порассуждать, то у человека умственного труда, естественно, способов задури́ть себе голову ([галаву́]? – Н. Ж., В. П.) побольше, и они поизощреннее, чем, допустим, у хлопца с района, у которого простые желания и простые способы их удовлетворения* (27/36, первая цифра указывает на номер газеты, вторая – на страницу).

Поскольку лексический уровень языка является наиболее «подвижным», т. е. легче всего подвергается изменениям, то заранее можно предположить, что одной из самых ярких черт белорусского этнолекта русского языка является проникновение и закрепление лексических белорусизмов, которые носители языка постепенно начинают

воспринимать как естественные элементы общения по-русски (об особенностях функционирования белорусизмов не только лексических, но и фонетических и грамматических, см. [6]). Проанализированный материал подтверждает этот тезис и позволяет сделать следующие выводы:

1. Использование лексических белорусизмов отличается разной степенью осознанности. Так, элементы, воспринимаемые в русском тексте как инородные, часто заключаются в кавычки: *У нас “актор” один – власть (28/8); надо вместо “валтузі” собраться вместе (28/10); и таких “змагароў” у нас полно (20/9); разумеется, исключительно не “тутэйшых” и не из БРСМ (40/10)*. Зачастую в этой же функции используется курсив: *Еще немного, и «цицерон» действительно развязал бы шчыры (курсив – Н. Ж., В. П.) мордобою (40/11)*. Часто сигналом инородности лексемы может служить сохранение белорусской орфографии, хотя этот прием возможен далеко не всегда: *Моя мама часто брала меня в Минск в командировки и говорила: мне бы зятя-белорусика, любого Ясіка! (25/21); и путать их друг с другом было крайне нячэсна (41/19); только один раз до того памяркоўнае государство проявило агрессию (28/25); он получает сигнал – «Мы гаварым так. Будь готов, что тебя не поймут» (18/2)*. Иногда белорусизмы (по мнению авторов и / или редакторов) требуют дополнительного комментария: *Те смехотворно низкие закупочные цены, которые государство устанавливает для сельхозпроизводителей, делают его главным утрыманцам (курсив – Н. Ж., В. П.) (утрыманец (белор.) – иждивенец. – «БелГазета») на шее крестьянина (38/10)*.

2. Наиболее интересны для анализа случаи, когда лексические белорусизмы никак не выделяются в русскоязычном тексте. Это может свидетельствовать об их особом статусе: (1) либо эти слова вводятся сознательно, и они представляют собой символы культуры (и потому имеют право употребляться в русском тексте без перевода), (2) либо авторы (а также редакторы и корректоры) не чувствуют «чужеродность» лексемы, принимая ее за «свою».

К первой группе, к примеру, можно отнести лексемы *бульба*, *мова*, *батька*, *бусел*. Как правило, эти слова пишутся и изменяются в предложении по правилам русского языка: *Своя у нас только бульба (40/26); Это был здоровенный бусел с болтающимся у него в клюве ребенком (2007/27); Каждому по батьке (23/7)*. Единственное, что не позволяет считать эти лексемы полностью ассимилированными, – отсутствие дериватов. Исключением лишь является фрагмент словообразовательного гнезда *бульба – бульбаш – бульба-хоррор*. Лексемы этой группы носителями языка воспринимаются как белорусские, и в русский текст, естественно, вводятся осознанно. Создатель текста хорошо чувствует разницу между *бульба* и *картошка / картофель*, *мова* и *язык* (во всех случаях употребления слова *мова* в русскоязычных текстах речь идет

о белорусском языке). Функциональная нагрузка осознанного употребления белорусизмов сводится к: (1) обозначению белорусских реалий, подчеркиванию их специфики и колорита, (2) символизации и (3) языковой игре.

Во вторую группу потенциально может попасть любая белорусская лексема, которая жителями Беларуси в русскоязычной речи употребляется настолько часто, что полностью замещает собой соответствующую русскую лексему. Даже хорошо образованный носитель русского языка, который живет в Беларуси, не всегда может подобрать русское соответствие таким словам: *Все произошло в считанные доли секунды: они сошлись, митусня, шух-шух, и меня передали по рукам из этого котлована наружу* (2008/13); *новыми кредиторами станут серьезнейшие хлопцы из Пекина* (26/8); *у хлопца с района* (27/36); *впрочем, в отличие от канонического «Дракона», выдержанного едва ли не в оруэлловских тонах, для фильма с местными декорациями пришлось выбрать бы более жсавенькую палитру* (40/11); *Не будет аренды – гамон НИИ* (38/9). Возможно, именно эти лексемы станут основой для дифференциального словаря белорусского этнолекта русского языка.

1. Михневич, А. О языковом и лингвистическом статусе «нациолекта» / А. Михневич // Вариативность как свойство языковой системы (Тезисы докладов). – Часть 1. – М., 1982. – С. 77 – 79.
2. Міхневіч, А. Нацыялект / А. Міхневіч // Беларуская энцыклапедыя ў 18 т. – Т. 11. – Мінск, 2000. – С. 221.
3. Мячкоўская, Н. Б. Мовы і культура Беларусі: Нарысы / Н. Б. Мячкоўская. – Мінск, 2008.
4. Норман, Б. Ю. Русский язык в Беларуси сегодня / Б. Ю. Норман // Die Welt der Slaven, LIII. – 2008. – 2. – S. 289 – 300.
5. Перепись населения – 2009: Выходные регламентные таблицы [Электронный ресурс] / Национальный статистический комитет РБ. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi3_new.php. – Дата доступа: 25.11.2010.
6. Потапова, О. Языковая личность в условиях русско-белорусского билингвизма / О. Потапова // Славянские языки: аспекты исследования. – Минск, 2009. – С. 183 – 187.